

Шмелев И. В.

История села Мотовилово

Дневник
Тетрадь 1

16+

Иван Шмелев

**История села Мотовилово
Дневник Тетрадь 1**

«Автор»

1972

Шмелев И. В.

История села Мотовилово Дневник Тетрадь 1 / И. В. Шмелев —
«Автор», 1972

Дневник русского крестьянина Шмелева Ивана Васильевича, в котором
он описал историю родного села Мотовилово, Арзамасского района,
Нижегородской области.

© Шмелев И. В., 1972

© Автор, 1972

Иван Шмелев

История села Мотовилово

Дневник Тетрадь 1

*Историю России знать надо, а
историю родного Села знать необходим*

Пожилomu человеку отрадно вспомнить Старину!

*Не зная Прошлого, мы не в полной мере
будем пребывать в Настоящем и смутно
будем представлять о Будущем!*

Село Мотовилово

Имея благонамеренное побуждение и доброжелательность для будущего поколения и настоящих жителей села Мотовилова, я решил излагать повествование об истории нашего родного села. Прежде всего, надо начать с места расположения села. Вот его адрес. По-старому: Нижегородской губернии Арзамасского уезда; по-современному: Горьковская область, Арзамасский район, село Мотовилово.

Соседи наши: село Вторусское (к востоку 2 км); село Волчиха (к юго-востоку 4 км); село Ломовка (к югу 5 км), за Ломовкой Спиртзавод (Хутор), ранее до революции принадлежащий помещику Кашееву (7 км); село Верижки (к западу 2 км), село Чернуха (на запад 5 км) и тут же железнодорожная станция «Сережа» (3 км).

На север от села Мотовилова находится сосновый лес, за ним река Сережа, а за ней смешанный лесной массив, занимающий огромное пространство. Около станции «Сережа», у реки, находится берёзовая роща, где раньше были дачи «Шубино», принадлежавшие некому Шверину, после революции здесь был создан Дом отдыха, а в наши дни противотуберкулезный санаторий. За рекой Сережей, в лесу, километрах в восьми от нашего села, находится лесной посёлок «Прорыв», где раньше была паровая лесопилка с мельницей, которую сломали и перевезли в другое место в двадцатых годах.

Точной даты возникновения села Мотовилова, конечно, никто не знает, а если верить летописцу, который повествует о истории города Арзамаса, где указывается, что при нашествии хана Батые на мордовские земли (1240г.), мордва разбежалась из своих мест, и укрывались в диких непроходимых лесах. Среди мордвов был некий мордвин Теш, поселившийся на том месте около реки Сережи, где впоследствии образовалось мордовское селение «Втаресь», которое потом преобразовалось в село Вторусское (1400г.).

Основание села Мотовилова можно отнести примерно к 1613 году, когда ополченцы Минина и Пожарского после освобождения Москвы, возвращаясь из Нижнего Новгорода, поселились у озера; среди поселенцев были преимущественно вязьмичи и дорогобужане.

Первых людей, желавших поселиться на месте, где впоследствии образовалось наше село Мотовилово, конечно, в первую очередь привлекло озеро и близость леса, который в те времена примыкал к самому озеру, да и, пожалуй, само то озеро было окружено лесом. Первые жители

могли построить свои жилища окнами на солнышко и одновременно на озеро, таким образом, принимая во внимание человеческий инстинкт и логику, первые избы были построены на том месте, где сейчас проживают Хоревы и Бурлаковы. Благо сосновый лес для постройки жилья был прямо под руками, а болото, находившееся на задворках, по сей день сохранило название «Сосновое».

В доказательство того, что первые поселенцы поставили себе избы именно на этом порядке, где проживают Хоревы и Бурлаковы, служит и то, что: 1) эта улица не имеет своего названия; 2) избы смотрят на юг и на озеро; 3) наличие хорошего берега, удобный подход и подъезд к воде.

Сначала был один порядок, избы которого в беспорядке располагались от «прогона», где гоняли на пастьбу скот и ранее проживали Шмелевы (прогон в старину называли Шмелевым), и до угла, где сейчас проживаю я.

В старину оседлые, коренные, селитбенные места располагались по порядку так: Шмелевы, Крисламовы, Малафеевы, Шмелевы, Акишины, Малафеевы, Садовы, Бурлаковы, Владыкины, Хоревы, Аникины, Муратовы, Лабины, Крюковы, Шутовы, Железины, Пучковы, Молодцовы.

Когда же семьи стали расти, особенно большая семья была у Хоревых. Они стали делиться и, желая жить вблизи родных, отделявшиеся строили свои дома против своих родственников; так появился второй порядок улицы, избы которого располагались окнами уже на север – задами к озеру.

Вначале образованная улица была до того узка, что впоследствии при постройке новых домов жителям красного порядка пришлось строить свои избы, отступая назад саженей на 10, чтобы улица была довольно просторной и удобной для проезда. В подтверждение этого предположения служит то, что при рытье канавы в наши дни под водопроводные трубы вдоль дороги улицы, она как раз попала на подпола находившихся когда-то здесь изб.

Вначале образования села были особо большие две семьи: Хоревы и Бурлаковы; недаром места и фамилии их особенно распространены в центре улицы на обоих порядках. А Хоревых называли «большими». Вторая улица появилась на высоком берегу озера, название которой жители дали – «Мотора», первые слоги этого слова, между прочим, имеются и в самом названии села Мотовилова. Что означает слово «мотора», конечно, никто не знает, само название села Мотовилова неизвестно откуда произошло и как оно расшифровывается. Оно имеет как бы две части: «Мото» и «вилово» от слова «вилы»; но как правильно их сочетать и осмыслить – это, пожалуй, затруднительно, возможно, в названии села фигурирует и мотовило, на которое в старину бабы мотали пряжу во время тканья холста, так как этот вид занятий для жителей села был важным: посева конопли и льна ранее здесь были огромными.

Со временем село стало разрастаться и своими улицами окружать озеро. Появился Шегалев, Слобода, Мочалиха.

Шегалев образовался не из жителей села, а здесь поселились люди приезжие, так что их язык до некоторой степени отличался от коренных мотовиловцев: Мироновы, Савиновы, Гордеевы, Байковы, Васюкины, Додоновы. Жители самого Мотовилова находились под ведением князя Оболенского, а жители Шегалева принадлежали барину Морозову. Поэтому в Мотови-

лове и существовало два земельных общества, которые нарушились только во время коллективизации.

Шегалев имел землю более плодородную и поблизости от села: она узкой полосой тянулась от села Михайловки до Шубина, земля же нашего общества находилась в двух местах и разбита на три поля, согласно трехпольной системы севооборота, который до колхозов был основным повсеместно в сельском хозяйстве, и им пользовалось все русское крестьянство.

1-е поле было самое большое, и оно простиралось на юг от самого села до Баусихи, это протяженностью около восьми километров.

2-е поле смежное с первым, оно доходило до Михайловки.

3-е поле к северу от села, к лесу.

А за первым лесом, за рекой Сережей еще было так называемое Онискино поле, тоже принадлежавшее нашему обществу. В начале XIX столетия в селе появились улицы Бутырка, Забегаловка, Поповка, Курмыш, Кужадониха.

Кстати, об улице Кужадонихе: есть предположение, что Кужадониха была образована частью из приезжих сюда людей. Само название Кужадониха, по-моему, получила от приезжих и поселившихся здесь из села Кужадон, которое находится в Константиновском районе.

В конце прошлого столетия появились улицы Поповка, Жигули, а после революции 1917 года из-за бурного роста населения село стало расплзаться по всем направлениям, как тесто на дрожжах. Число больших семей сильно увеличивалось.

В сравнительно небольших домах стало жить тесно – семьи делились на несколько семей; каждой вновь образовавшейся семье было необходимо строить свой дом, поэтому село стало расстраиваться по всем направлениям существовавших улиц. Некоторые старались построить свою избу около «своих» – ставили дома в проулках, в пробелах, «в воротах». Улицы стали тесно и загромождены постройками, где преобладала «матушка солома», которая была виновницей больших пожаров, которые часто происходили в селе по летам. Вскоре после революции почему-то было запрещено выделение новых мест для застройки, а образовавшейся новой семье необходимо для постройки дома место. Так, в 1921 году самовольно (самодуром) стали строить избы за селом, на задворках, к лесу, и эта вновь образовавшаяся улица получила наименование «Самодуриха». Тогда же появилась и улица Ошаровка. Немногим позже появилась новая улица Западная. На южном берегу озера в кельях жили богомольцы старухи келейницы.

В конце каждой старой улицы жителей называли «крайновыми»: так, на краю Забегаловки жил Молодцов Петр (Крайнов), на Поповке так же были Крайновы, а в Кужадонихе Каравайкину Матрену прозвали даже Закрайновой, дом ее когда-то был действительно крайним к селу Вторусскому, и в ее огороде долгое время сохранялась вырытая грань, которая указывала границу нашей с вторусской землей. В Шегалеве также были Крайновы. Мои родители, бывало, говаривали: «Приходилось из Арзамаса с базара на лошади ночью возвращаться домой, как только доезжали до провала на Клюковом болоте (где сейчас, конечно, стоят дома), облегченно переговаривались: «Ну, скоро и село. Вон уже и огоньки замерцали».

Во время быстрого роста населения села, само собой, разумеется, стал уменьшаться и земельный надел на душу населения (на едока), поэтому некоторых жителей села стала не удовлетворять мотовиловская действительность. Они стали искать места на просторе и начали в 1921 году переселяться кто на отруба: Додонов И.Е., Липанов Н., Кустов В. А, некоторые

переселенцы образовали новые поселки: Баусиха, Сады и Малиновка. Там люди стали жить попривольнее, среди простора, и земли у них оказалось намного больше, да и лес был прямо под боком.

Ввиду того, что поселок Баусиха образовался из разношерстных жителей, собравшихся сюда из разных селений, и они были почти все «голытьба», то на этом посёлке у людей дело шло плохо – среди них было много лентяев, пьяниц.

Хотя люди и разъезжались кто куда, по сторонам, однако село продолжало расти во все стороны. Молодые люди женились, образовывались новые семьи, но жизнь в больших семьях и в небольших избах, не имеющих никаких удобств, стала невмоготу. Семьи стали неудержимо делиться, население стало интенсивно расти. Если в Мотовилове в 1912 года было 510 дворов с 2000 жителей, то к 1928 году стало 720 дворов с 3200 жителей. Об этом свидетельствовала доска на полосатом столбе, врытом на центральном перекрестке около кабака Дунаева.

Достопримечательности села

Самым замечательным сооружением села Мотовилова, конечно, является каменная православная церковь. Построенная в 1834-37 годах и посвященная в честь Покрова Богородицы, остальные два престола Николая Чудотворца и Прасковьи Мученицы.

По преданию, в Мотовилове была деревянная церковь, и стояла она на том месте, где сейчас находится школа: при постройке деревянную старую церковь сломали, а на месте, где построили каменную, было кладбище. Другое кладбище устроили в стороне от села, огородив его забором.

Всем, конечно, известно, что самым привлекательным зданием села является церковь – еще издали верст за пятнадцать узнаешь свое родное село по высокой, как маяк, со шпилем над куполом колокольни, по ее белизне, а если случится в праздник, на этом же расстоянии услышишь величественный голос большого колокола. В этот момент невольно содрогнется любая русская душа и поспешно устремится к родному селу и дому. Всем известно, что в селе в церковной архитектуре, ее величавой громадине, в ее внутренней отделке, в резьбе, в позолоте, в просторе заключена вся красота обозрения и наслаждения для сельского жителя.

Наша церковь была двуглавой: величественная глава над летней и недостижимой высоты колокольня со шпилем. Редкому специалисту по бросанию камней вверх доводилось докинуть камешек до окон колокольни, где в северном окне висело четыре маленьких колокола, в окне к улице висит колокол побольше (он лежит на земле и по сей день), а в окне к Шегалеву висел колокол-набат, в который извещали народ о пожаре, о том, что человек тонет и о других бедствиях. Седьмой же колокол самый большой, весом 288 пудом и 2 фунта, висел посреди колокольни; был очень резв и голосист – его голос был слышен за 15 верст. Слили его в Арзамасе, и в его составе было много серебра, так что когда его лили, некоторые богатые люди добровольно бросали в расплавленную массу свои серебряные вещи и монеты.

В праздничные дни, в молебствия, а особенно в Пасху в эти семь колоколов искусно звонили и трезвонили специалисты этого дела: церковный сторож Иван Васильевич Трынок, Яша Лабин, мой брат Александр и др. В пасхальные дни в продолжение всей недели с колокольни изливалась такая симфоническая мелодия, что любой человек мог бы заслушаться этими музыкальными звуками. Колокольня служила еще и своего рода вышкой – с ее высоты можно было наблюдать своими глазами всю окрестность: дальние леса, селения, поля и все свое село. Среди

множества изб, дворов, овинов и амбаров, с детской гордостью и восторгом отыскиваешь и находишь свой родной дом. Душа ликует, и торжеству нет конца.

С высоты колокольни пасущиеся в поле лошади и коровы кажутся игрушечными, люди на улицах села, как уродливые коротыши, деревья в непривычном видении, осматриваешь сверху кроны, среди листвы берёз, вязов и ветел видишь грачиные гнезда с птенцами, наблюдаешь за необычным полетом птиц, у которых видишь не брюхо, как обычно с земли, а спину.

Вокруг церкви возведена величественная каменная изгородь с четырьмя бастionsами по углам и с тремя воротами: главные большие с выходом на улицу, боковые северные к школе и ворота восточные с выходом на «живой мост».

За церковной оградой к школе росло много лип, берёз, и было два величественных вяза, стоявших почти рядом. Толщина их и высота были необъятными, сколько лет было им от роду, никто не помнил, под их кроной можно было расположиться толпе народа человек в триста. В кронах этих вязов было большое количество грачиных гнезд. Внутри церковной ограды росло много деревьев, расположенных вокруг всей церкви. Тут были старые ветлы, берёзы, кусты сирени, сочная трава под ногами с разнообразными луговыми цветами, а рядом через деревянную изгородь к югу был церковный фруктовый сад с плодоносящими яблонями.

Вообще-то около церкви, вокруг нее, в летнюю пору была чудодейственная, великолепная благодать и ласкающая человеческую душу прохлада, которая располагала к блаженному отдыху и благолепию человека.

Внутри церкви также была неизреченная красота, особенно в летней ее части. Здесь величаво творение человеческого ума и мастерство рук, выразившееся в монолитности стен, колонну в изобретательности и причудливости резьбы, позолоте иконостаса и в художественной росписи икон и божественных деяний. Неизвестными художниками были написаны на стенах великолепные изображения: на северной стороне «Моление Христа о чаше», на южной стороне «Пилат вывел Христа из Претории к народу», на западной стороне «Вознесение Господне», этим изображением была занята вся стена над входной аркой и являла собой изумительную красоту изображения. Кроме величественности храма с его наружным и внутренним видом, наряду с мелодичным колокольным звоном, немаловажную роль играют служба и хоровое пение.

В двенадцатые, а также в престольные праздники, а особенно в Пасху наш церковный хор, возглавляемый регентом Романом Михайловичем Додоновым, исполнял священное песнопение с особенной прилежностью, так что послушать хор вряд ли откажется любой благонаправленный человек.

Исходя из всего вышесказанного, я не соглашусь с теми людьми, которые говорят, что церковь «дурман» для народа; каждый человек, имея свой доброжелательный рассудок, может сам об этом поразмышлять. «Имеющий ум для рассудка – да поразмыслит!»

В нашем селе была также деревянная, старообрядческая церковь, которая находилась на задах жителей Слободы, за огородом Сучкова Якова Поликарповича. Рядом с церковью было болото и пруд, который существует и по сей день. В праздники с колокольни старообрядческой церкви слышен был так же колокольный звон, но он был не столько мелодичен, как с колокольни православной церкви.

В церковь на моления собирались староверы (кулугуры), их было в селе не так уж много. Старая вера в наше село занесена со стороны – через бракосочетания наших односельчан Крисламовых, Каравайкиных и Сучковых с Чернухинскими старообрядцами. Начетник и ревнитель старого обряда был Матвей Павлович Каравайкин.

Мельницы

Вторым примечательным сооружением села является ветряная мельница. Их в Мотовилове было десять:

Сурякова Егора Гавриловича: шестикрылая, около Соснова болота на задах Карпова Ф.И.

Куприянина-Садова Михаила Ивановича: четырехкрылая

Васькина Григория Михайловича: четырехкрылая к Верижкам

Додонова Василия Николаевича: шестикрылая к Верижкам

Додонова Михаила Ефимовича: шестикрылая к Верижкам

Капустина Ивана Ефимовича: шестикрылая за Поповкой

Рузина Никифора: шестикрылая, небольшая, с маслобойкой

Аникина Федота Ивановича, за Поповкой

Воробьева Алексея Акифьевича: шестикрылая, за Ошаровкой

Борисова Николая Игнатьевича: четырехкрылая за Кужадонихой

Общественная водяная мельница на Сушевке в Лесу за Сережей, арендуемая Крисламовым Михаилом Федоровичем (рыбачком). На этой мельнице мололи, когда стояло безветрие; иногда приходилось ездить и на паровую мельницу на Прорыв; мы с папой ездили туда в 1920 году.

Какое неописуемое зрелище представляют издалека мельницы, особенно такое количество, как в нашем селе, их был целый десяток! Можно себе представить расположенные вокруг села ветряные мельницы, во время осенних ветров деловито и старательно в перегон машут крыльями, делая свое трудолюбивое дело, перемальвая своими жерновами зерно рожь, превращая ее в муку, из которой с незапамятных времен человечество печет хлеб для своего насыщения. Так вот, такое зрелище вряд ли имеет себе равного; любой путник, приближаясь к селу, наслаждается маханием мельничных крыльев, а с большого расстояния мельница похожа на человека, размахивающего своими руками.

Школа

Особо важное место в селе занимает школа. Наша достопримечательная двухэтажная деревянная школа пользуется особым вниманием у всех людей села. Наша школа была построена в 1902 году, когда в России был взят курс на всеобщее народное образование, и среди людей важную роль занимал лозунг – «Учение – свет, а неучение – тьма». Место для постройки школы выбрано – лучше не найдешь: в центре села, у озера, на возвышенности.

Сначала школа была одноэтажной, а впоследствии произвели надстройку второго этажа, снаружи обшили тесом и покрасили, а внутри оштукатурили. В постройке школы принимал активное участие мастер строительного дела, житель нашего села Муратов Иван Дмитриевич-Потемкин.

Наша Мотовиловская школа является замечательным сооружением села, ее можно видеть издалека. Среди зелени деревьев она возвышается своей островерхой надстройкой поверх крыши. На надстройке небольшой шпиль, наверху которого установлен флюгер.

С наступлением осени (раньше учебный год начинался первого октября) детвора толпами спешила в школу (училище) и там получала первые крупницы познания грамоты. Здесь каждый молодой житель села, сидя за партой, учился читать, писать и задачи решать. В первое время занятия в школе проходили только на первом этаже, а второй этаж был занят квартирами учителей и библиотекой, а некоторые комнаты просто пустовали. Внизу занятия проходили в трех классах: в самом большом – первый класс (младшие) – теперь этот класс перегорожен стеной надвое, второй класс (средние) и третий класс (старшие).

В первый класс обычно приходило много желающих учиться, так что большое помещение едва вмещало учеников, а на второй год количество учащихся убавлялось, особенно старались дома не пускать в школу девочек, говоря: «Читать-писать научилась, а дальнейшие науки ни к чему, надо работать дома, прясть пряжу. А замуж и неграмотную возьмут». Так что в то время девки больше «одной зимы» наукам не посвящали. Да и некоторые ребята с трудом преодолевали второй, «средний», класс, и редкие достигали третьего, «старшего», класса.

В двадцатые годы был организован и четвертый класс, но в нем обучалось не более десяти человек: ученики четвертого класса находились в одном помещении с третьеклассниками, которых было тоже не более двадцати человек. У окна, обращенного на озеро, располагались парты третьего класса, у стены – парты четвертого. С обоими классами занимался один учитель одновременно.

Во время перемен в коридоре школы стон стоял от беготни и игры, и шума учащихся, и поднималась такая пылица, что нечем было дышать. К тому же была дурная привычка драться класс на класс. Ученики обычно в школу ходили в лаптях, которые были основной обувью в то время у всех у взрослых, и у детей. Буквари, тетрадки в самодельных холщовых сумках. Осенью и весной в перемены ученики выбегали на улицу и играли на свежем воздухе.

Ранее в селе существовала так называемая девичья школа (рядом с каменной лавкой Лаптевых), в помещении, где впоследствии был в одной половине Сельский Совет, а в другой – изба-читальня. С девочками-ученицами занимался не учитель, а сельский священник, и первой наукой был «Закон Божий».

Моя мать Любовь Михайловна (до замужества Молодцова) за преуспевание в учении получила в подарок платок. Да и в общеобразовательной школе были поощрения для особо отличившихся учеников. Я помню, в 1920 году мои старшие братья, Михаил и Александр, получили в школе ситцу себе на рубашки, а в мануфактуре в то время был большой недостаток. Я в школу поступил в первый класс в 1923 году и проучился в ней до 1928 года, окончив четырехлетнее образование. Школу (невежественные люди) сломали в 1974 году.

Волостное правление

До революции и во время гражданской войны была Мотовиловская волость, и почти рядом со школой было здание волостного правления. Помещение было одноэтажным, имело четыре комнаты, оштукатуренные внутри. Комнаты занимали Старшина, волостной писарь, урядник и зал для заседаний и собраний.

В 1926 году Мотовиловская волость была ликвидирована, наше село присоединили к Чернухинской волости, а здание правления сломали и куда-то перевезли. Я помню, мы в детстве с интересом рассматривали обои и разнообразие бумаги, валяющейся на месте сломанного помещения. Тут же вблизи от волостного правления, была расположена так называемая «тем-

ная». В которую представители сельской власти сажали людей за ту или иную провинность: за хулиганство, за мелкую кражу и т.п.

В темную сажали ненадолго, примерно на неделю, и за сидящими в «темной» надзирал стражник, Степан Меркурьев. Здание волостного правления сломали, а «темную» почему-то оставили, ее впоследствии переоборудовали в жилое помещение, а на месте правления построили дом для писаря Лобанова Михаила Федоровича.

На берегу озера, между церковью и школой, был большой общественный амбар, так называемый «магазин». В нем хранился общественный хлеб, из него выдавали сельским беднякам рожь и другое зерно. Впоследствии из магазина построили общую токарную мастерскую около «Соснового» болота.

Пожарный сарай

Почти рядом с магазином, на берегу озера, у школы, был пожарный сарай, в котором находилось два пожарных насоса. По договору с обществами, в летнее время при пожарном сарае всегда дежурили со своими лошадьми Кочетковы и Кругловы, они всегда были готовы при первом ударе набата выехать на пожар для тушения.

Пожары в то время частенько навещали село Мотовилово по причине недосмотра за трубами, шалости детей с огнем, от курения и тесноты построек, и кругом была солома. Около пожарного сарая стояла телега-ропуск, нагруженная баграми, которыми растаскивали на пожаре еще не успевшие сгореть бревна от построек. Специалист по тушения пожаров был Санька Лунько. Тут же стояла телега с бочкой воды.

Кузницы

В Мотовилове было две кузницы: одна Мочалина, на берегу Ивановского, за огородами; она принадлежала Цапаеву Алексею, а другая на берегу бутырского залива, в конце улицы Мочалихи; она принадлежала Миращевскому Ивану Ивановичу (по прозвищу Фараон), который в Мотовилово переселился из Чернухи. Этот кузнец обладал большим мастерством своего дела и ловкостью. Мой отец, кстати, обращался как кузнецу только к Фараону.

Нам, ребятишкам, в детстве смотреть, как куют в кузнице, составляло большой интерес и наслаждение: нам было особо любопытно наблюдать, как большим кожаным мехом раздували пышущий жаром горн, как из горна вынимали раскалённое добела железо, от которого при ударе молота по наковальне в разные стороны стремительно разлетались искры, похожие на звездочки. Мы целые дни были готовы глазеть снаружи во внутренность кузницы, но, видимо, наше неотвязчивое присутствие раздражало кузнеца и молотобойца, и он отгонял нас прочь, врасплох плеснув на нас ковш холодной воды. Мы, естественно, разбегались, и снова посещали кузнецу, когда забудется случай с обливанием. Да и любопытство пересиливало страх.

У кузнецов была дурная привычка «подшутить» над посетителями кузницы, которые приходили в кузницу по делу. Однажды я наблюдал такую картину: к кузнице направлялся мужик, он шел босиком; Фараон быстро выхватил из горна горячий кусок шлака и, бросив его к двери, быстро растоптал его кожаным сапогом у порога. Как только мужик переступил порог кузницы, он ужом начал извиваться от сильной боли ожога. В кузнице разразился идиотский смех – от удовольствия и наслаждения страданием человека. Были случаи, что зазевавшемуся мужику или парню незаметно клали в карман раскалённый кусок железа, и снова весёлый смех кузницы и молотобойца, ведь интересно же, как раскалённое железо, прожигая чужой карман,

падает на землю или через прогоревшую дыру в портках попадает к голому телу. Потерпевший прыгает от боли, а «шутники», разинув нахальные кадыки, хохоча, закатываются со смеху. А бабе в кузницу лучше не заходи, захватают и защупают.

Шерстобойки и маслобойки

В Мотовилове была одна маслобойка, при мельнице Аникина Федота. Во время производства масла, если приходилось хотя бы мимо проходить около маслобойки, в нас так и лез ароматный приятный запах льняного, а особенно конопляного масла.

В селе было две шерстобойки. На Ивановском, Крисламова М.Ф., а на Моторе у Егоршина Сергея. Наблюдать, как по наклонному огромному колесу ходит лошадь, шагая, но не стронувшись с места, приводя в движение в особом помещении шерстобойную машину, для нас, ребяташек, было очень большим наслаждением. Нам страстно хотелось прокатиться на колесе, но это было рискованное дело, можно было нечаянно угодить под колесо и могло переломать ребра.

Ивановский – Воробейка – Мосты – Колодцы

Каждую весну, когда начинает таять снег, с полевой горы, из оврага-истока, из «Рыбакова», в село через Фиёшино болото, а потом через проток «Ивановский» талые воды устремляются в озеро, пополняя ежегодный водный запас его. Приток Ивановский получил свое название, наверное, через какого-то Ивана, видимо, проживавшего здесь около него в далеком прошлом. Половодье каждый год начинается тогда, когда тронется Ивановский. Иные года воды в нем бывает так много, что он не может поместиться под мост, и вода, разливаясь во все стороны, затопляет дворы, а иногда и заполняет своей мутной водой подпола приближенных жителей. Количество воды в Ивановском зависит от количества выпавшего снега за зиму и интенсивности его таяния на горе в поле.

Наполнив своей мутной водой озеро, Ивановский замедляет свой напор; уровень воды в нем спадает. Прибывшая вода из поля разливается по всему озеру, делая вокруг него закраины. Во время бурного хода воды в Ивановском вода успевает промыть закраины, и ей деваться некуда, она угодает под лед озера. В это время начинается ломание льда, который с шумом трескается и большими глыбами выворачивается из воды. Иногда большие отдельные льдины долго плавают по озеру, и на них с большим удовольствием катаются смельчаки-ребята. Конечно, дело не обходится без приключений – льдина внезапно разваливается, и отважный «мореплаватель» погружается в воду. В испуге и от ощущения ледяной воды проказник-неудачник едва выкарабкивается из бездны и без оглядки бежит домой отогреться. Вода в озере накопилась, теперь жди, тронется поток «Воробейка».

Весной 1926 года, ввиду глубоких снегов и бурного его таяния, весной повсеместно в наших краях было самое большое наводнение. Ивановский так сильно разлился и принес так много воды, что она, наполнив озеро, стремительно стала заполнять все низины и впадины, затопля амбары на озере, обильно заходя и во дворы, и в подполья жителей улицы Слободы. Большую озабоченность и тревогу в то время вода придала Осипу Цацунину, вода нахально затопила его огород, непрошено зашла во двор, затопив скот, дрова, веялку-уфимку и остальное добро и настойчиво просилась в подполье, где хранился картофель.

Жил он в то время – второй дом от моста на Воробейке, рядом с Поляковым Иваном, напротив прогона. Вместе с сыном Мишкой они ночи не спали, старались дать ход воде в Воробейке, извлекали бревна и коряги, которые течением пригоняло к заборам огородов и пре-

граждало свободный ход воде. Иногда к заборам пригоняло с озера льдину, и она застопоривала течение, они баграми и ломами старались разрушить льдину, измочившись при этом сами в холодной воде. Мало-помалу вода из озера через Воробейку перемещается в реку Серезу, которая, приняв ее воды из лесных притоков Черемаса, Каменного, Мощеного, Сушевки и Синовки, разливается, трогается и уносит воды через Тешу, Оку и Волгу в Каспийское море.

В Мотовилове было, да и сейчас имеются, четыре моста: на Слободке два – через Ивановский и через Воробейку, в Кужадонице один через Воробейку и «Живой мост». Название поток «Воробейка» получила (по предположению) не потому что здесь много воробьев водилось, а потому, что в глубокую старину среди честных, самостоятельных людей, жителей села, существовали любители поживиться чужим добром, попросту говоря, воры. Так вот, их при обличении в воровстве при всем честном народе выводили на мост протока и били. Отсюда и название «Воро-бей-ка».

«Живой» мост ранее находился на самом узком месте перешейка из озера в Бутырский. Он был протянут от церкви до Набережного порядка. По мосту ходили только пешком. Он состоял из нескольких частей, из продольных горбылей, на качающихся сваях, так что при ходьбе по нему мост ходуном ходил, как живой, отсюда и название ему «Живой мост». В тридцатых годах мост построили для езды на лошадях, а впоследствии новый мост, так же предназначенный для езды на лошадях, построили в другом месте, где он находится и сейчас, но и теперь он называется «Живым».

Были случаи, что с живого моста люди падали прямо в воду, особенно пьяные, но дело обходилось благополучно. Упавший снова выкарабкивался сам или его вытаскивали посторонние люди.

Перекрестки и колодцы

В Мотовилове четыре перекрестка: Шегалевский, Мочалихинский, Слободской и Главный или Моторский, где ранее был кабак (Дунаев). Ранее в селе было только три колодца: на Мочалихинском перекрестке (около Аникиных) был колодец с большим колесом, при выкачивании воды из колодца бадьями, человек «ходил» внутри этого колеса (нарушен в 1928г.). Такой же колодец находился в Кужадонице под окном Ермолая Макарова (нарушен в 1935г.), а третий колодец, без колеса, а с валом и двумя крюками, находился на Главном перекрестке против дома Молодцова Михаила Федоровича (моего деда по матери). Небольшая впадина против моего дома, в загородке у памятника, свидетельствует о том, где до 1925 года был тот колодец.

Глубина колодцев была значительной, 18 сажень (около 40 метров). Вода доставалась нелегко, но была очень холодной, а люди, проживающие вдалеке от колодцев, пользовались для питья и стряпни водой из озера, из так называемых «колодцев», прорезанных в трясине тростников, и ходили к таким «дырам» по проложенным к ним узким, сбитым из жердей, мосткам. Вода из таких «колодцев-дыр» считалась вполне пригодной для питья, хотя по озеру всегда разгуливали утки и гуси, летом в озере купались люди и купали лошадей, да вдобавок ко всему этому, озеро было окружено со всех сторон банями. Так, на Моторском берегу было около пятнадцати бань, а тут же из «Дунькиной дыры» вода считалась для питья отменной.

В сущности, разобраться и в колодцах воду признать вполне хорошей не всегда можно, потому что в колодцы из рук шутников, озорников и варваров попадали разнообразные предметы и даже кошки. В колодце вода стоит на дне сруба, а в озере она до некоторой степени

фильтруется корнями тростников. В тридцатые годы в селе было вырыто еще два колодца: первый около церкви, который завалили вскорости после того, как в него ночью летом 1956 года неизвестные хулиганы-убийцы сбросили молодого парня Сбитнева Гришу, а другой около Столовой. Этот колодец так же не обошелся без трагедии – в нем погиб Арсенька из Волгина во время ремонта сруба (1950 г.), в глубине его засыпало песком. Народу собралось много, а живым вытащить его не смогли. Два дня просидел он, а на третий его вытащили мертвым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.